

Это заставило его растеряться.

Юноша инстинктивно попытался сбежать.

Он отступил на шаг, намереваясь отдернуть руку, но не успел — его резко дернули, заставив неуклюже рухнуть в чужие объятия.

За окном послышался какой-то шумок, смешанный с пронзительными криками студентов о том, что едет полиция. Этот гадёж резал слух, отзываясь трепетом в глубине души.

Прижавшись к груди Майлуня, он услышал его сердцебиение — тук-тук, быстрое и сильное.

— Майлунь, не надо так.

Лишь спустя долгое время он пришел в себя и попытался оттолкнуть Майлуня, но тот лишь сильнее надавил на него, притирая к постели.

Майлунь наклонился и накрыл губы юноши, заглушая все его испуганные возгласы.

Этот поцелуй был настолько глубоким, что у Криса едва не закружилась голова.

Лишь когда Крис оказался на грани удушья, Майлунь прекратил свое наступление. Прищурившись и оставшись довольным, он облизал губы, а затем опустил ниже и потерся о щеку юноши.

— Сладкий.

Лицо Криса мгновенно залило ярким румянцем:

— Ты, ты, ты...

— Жди меня здесь. — Майлунь прижал указательный палец к дрожащим губам юноши, легонько провел по ним и заставил его замолкнуть.

Он поднялся, собираясь уйти.

Крис в панике вскочил с кровати и, заметив, что Майлунь снова забрался на подоконник, замялся, не договорив.

Майлунь на мгновение замер, словно о чем-то вспомнил, и резко бросился обратно.

Юноша от испуга запятнал назад:

— Т-ты больше не подходи ко мне!!!

Однако Майлунь не послушал. Он властно прижал юношу к дверям, впился в его губы, легко провел языком по ним, а затем низко наклонился и яростно зарылся лицом в шею Криса.

Крис от боли издал жалобный вопль, а чужой горячий кончик языка все еще скользил по коже, оставляя после себя влажный след.

— Больно?

Спрашиваешь еще!

Крис от боли зажал шею руками, с ужасом наблюдая, как главный герой кончиком языка проводит по покрасневшему контуру губ. Это было невероятно стыдно.

Неизвестно почему, но юношу вдруг бросило в жар. Он немного отодвинулся в сторону, прикрывая покусанную шею, а в глазах его заблестели слезы.

Майлунь внезапно изогнул губы в улыбке, в которой не было ничего юношеского — напротив, она казалась извращенной.

— Малыш, послушно жди меня, идет?

Интонация в конце фразы взлетела вверх, прозвучав двусмысленно и чувственно.

Крис судорожно вдохнул, резко подался вперед, пытаясь догнать его, и воочию увидел, как тот прыгнул с подоконника вниз.

А ведь от этого окна до земли было не меньше двухсот метров!

Однако, когда он заглянул вниз, чтобы осмотреть пейзаж под карнизом, Крис снова замер.

На земле не было абсолютно ничего.

Майлунь исчез бесследно, не оставив после себя ничего. Если бы не разбитое окно и слегка пощипывающее место на шее, он бы и вовсе решил, что ему всё приснилось.

Невероятно реалистичный сон.

Стоя у оконного проема и придерживая шею, он машинально сжал пальцы в кулаки.

В ушах слышалось системное предупреждение А-Эра, которое, словно материализовавшаяся стрела, вонзилось в мозг, вызывая головокружение. Снаружи доносились злобные удары полицейских в дверь, а перед глазами зиял разбитый край подоконника.

Искаженная картинка внезапно побелела.

В этом белом до боли мире остался лишь он один, одинокий, да механический голос в голове.

— Первый мир принудительно завершен. Скоро начнется переход во второй мир, скоро начнется переход во второй мир...

Крис на мгновение растерялся.

Голос А-Эра потонул под механическим шумом, перейдя в бешеную ярость:

— Какого хрена?! Что за долбанный вирус?! Отвали ты от нас, слышь, а-а-а!

— Да не поверю я, что от тебя нельзя избавиться!

— Пип-пип!

Одно за другим следовали механические предупреждения. Вэнь Шань даже не получил шанса задать вопрос, как мгновенно потерял сознание, погрузившись в бесконечную тьму.

В голове словно что-то исчезало, но Вэнь Шань никак не мог ухватить это ускользающее нечто,

и в конце концов ему оставалось лишь тонуть во тьме, не зная, что и делать.

Когда он очнулся вновь, то почувствовал, что его точка зрения какая-то странная. Растерянно подняв голову, он устремил взгляд в синее, безоблачное небо. На сердце было пусто и немного тоскливо.

Но стоило ему попытаться вспомнить причину своей тоски, как в голове упорно ничего не возникало.

Раз не вспоминается — ну и ладно.

Обладающий толстой кожей Вэнь Шань легкомысленно бросил попытки вспомнить, после чего пошевелил телом. Его гибкое туловище распрямилось, вытянувшись в длинную лозу, и с него осыпались капли утренней росы.

Как же хорошо!

Нежиться на солнышке, обдуваемом легким ветерком, и не нужно идти на работу — просто благодать, не хуже какого-нибудь бессмертного небожителя.

Вэнь Шань радостно пошевелил листвой, а затем потрепал себя по макушке, заставляя распуститься цветком.

Погодите-ка?!

Движение его руки резко замерло.

Листва?!

Цветок?!

Вэнь Шань так испугался, что чуть не выпрыгнул из земли:

— А-Эр!Эту-то, эту-то, эту мою нынешнюю оболочку вообще во что превратили?!

А-Эр обессиленно ответил:

— Именно так, как ты и думаешь, твоя нынешняя плоть — травинка.

А-Эр смертельно устал.

Чтобы преградить путь преследовавшему их вирусу, он задействовал буквально все возможные ухищрения, руки у него болели так, будто собирались отвалиться.

Ему безумно хотелось отдохнуть.

Поэтому он сказал Вэнь Шаню:

— Я ухожу в спячку, в это время води себя осторожно, это мир высокого уровня, здесь существуют боги и демоны.

Задания и сюжет изучай сам, на этот раз я действительно ухожу в спячку.

Едва договорив, он решительно разорвал связь с Вэнь Шанем.

Вэнь Шань:

— ...

Рано или поздно эта безответственная Система доведёт его до гибели.

Мысленно хмыкнув, он с абсолютным спокойствием открыл интерфейс Системы и нажал кнопку передачи сюжета и воспоминаний.

Вэнь Шань помнил, что уже прошёл первый мир, но при попытке сосредоточиться не мог вспомнить абсолютно ничего — в памяти осталось лишь то, что в первом мире он, кажется, потерпел неудачу.

Хотя это казалось несколько странным, Вэнь Шань не любил заикливаться на подобном, поэтому полностью сосредоточился на изучении сюжета этого мира.

Этот мир был весьма поэтичным и утончённым.

Главная героиня — воплощение Богини Цветов, Дух пиона, обладающая ослепительной и величественной красотой, признанная первая красавица Мира Цветов и Деревьев.

А Мир Цветов и Деревьев являлся самым мирным уголком среди всех миров, и ни Мир Людей, ни Мир Духов, ни Мир Богов, ни Мир Демонов никогда не смели целенаправленно тревожить его покой.

Возможно, дело было вовсе не в том, что обитатели других миров не хотели вторгаться сюда и захватывать Мир Цветов и Деревьев, а в том, что эта обитель была создана могущественным небожителем как земной рай, где представители любой расы мгновенно лишались всех своих сил. Со временем все миры окончательно оставили эту территорию в покое.

В прошлой жизни главная героиня была Богиней Цветов, но погибла во время великой войны между богами и демонами. Перерождаясь, она поклялась держаться подальше от войн и смут, поэтому пришла в Мир Цветов и Деревьев, став там Духом пиона.

Главным же героем выступал божественный небожитель с девяти небес, бог войны Сы Юэ, некогда возглавлявший мириады божеств в отражении нашествия Мира Демонов и защитивший Мир Людей от уничтожения демонами.

Сюжет же начинался с того, что Мир Демонов и Мир Духов заключили тайный союз, и второстепенная героиня из Мира Духов появилась перед главным героем в образе жертвы демонических притеснений, после чего главный герой из милосердия спас её. Поскольку главный герой ничего не сказал о том, как поступить с второстепенной героиней, его подчиненные поселили её в Резиденции Бога Войны. В итоге второстепенная героиня развернулась во всю мощь, и всего за каких-то десять лет разбила сердца всем феям в Мире Богов, а бесчисленные божества решили, что она и есть госпожа Богиня Война.

Именно в этот момент главный герой вернулся в резиденцию, где подвергся покушению и преследованию со стороны второстепенной героини. Спасаясь бегством, он по ошибке забрёл в Мир Цветов и Деревьев и рухнул прямо перед главной героиней.

Главная героиня спасла главного героя.

Затем между ними естественным образом завязались романтические чувства.

К сожалению, главный герой сохранял трезвый рассудок и понимал, что он — Бог Войны Мира Богов, а потому не может надолго оставаться в Мире Цветов и Деревьев, а потому попросил главную героиню помочь ему оттуда выбраться.

Главная героиня выразила понимание и нежно помогла ему покинуть Мир Цветов и Деревьев.

Главный герой проникся глубокой благодарностью и, взяв главную героиню с собой, покинул Мир Цветов и Деревьев, прибыв в Мир Богов.

Дочитав до этого места в сюжете Вэнь Шань невольно приподнял бровь.

Дальнейшее было очевидно: божества Мира Богов еще не знали, что второстепенная героиня была наемной убийцей, а потому решили, что та является законной женой Бога Войны, а главная героиня — лишь разлучницей. Так и зарождалось это недоразумение.

Убитая горем главная героиня, поддавшись заблуждению на счет возлюбленного, в полном отчаянии покинула Мир Богов, собираясь вернуться в Мир Цветов и Деревьев, как вдруг была похищена людьми из Мира Демонов.

Увидев ослепительную красоту главной героини, люди из Мира Демонов тут же преподнесли её Повелителю Демонов. Повелитель Демонов, едва взглянув на её лицо, почувствовал трепет в сердце и оставил её у себя.

Повелитель Демонов относился к главной героине с уважением, проявляя такую нежность, что это совсем не вязалось с легендами о безжалостном Повелителе Демонов, однако главная героиня прекрасно понимала, что он видит в ней лишь тень другого человека.

Тогда она попросила позволения уйти, и Повелитель Демонов согласился. Когда он провожал её, они внезапно столкнулись с главным героем — Богом Войны.

Главный герой и соперник встретились лицом к лицу, вспыхнула искра, полная смертоносной жажды убийства, и между ними завязалась драка.

Желая остановить их, главная героиня заслонила собой их атаки и, получив тяжелейшие ранения, оказалась на грани смерти. Потрясенный Повелитель Демонов защитил её меридианы и увез с собой.

Главный герой пришел в ярость, извергнув застарелую кровь от прошлых ранений, и повел небесное войско на нарушение векового договора, снова схлестнувшись в битве с Миром Демонов.

В конце концов главный герой победил, Повелитель Демонов пал, а главная героиня была возвращена главным героем. Спустя тысячелетие заботы и охраны она очнулась, вернула память Богини Цветов и вспомнила, что Повелитель Демонов был её другом детства.

Узнав, что главный герой убил Повелителя Демонов, главная героиня испытала трепет в сердце и в гневе разорвала все отношения с главным героем. Как говорится, убивать врагов весело лишь в моменты триумфа, а вот возвращать жену потом приходится через огонь и пламя. Даже такой великий небесный небожитель, как главный герой — Бог Войны, не стал исключением. Чтобы вернуть её сердце, он пошёл на многое: например, собрал три души и семь духовных начал Повелителя Демонов, а ещё убил второстепенную злодейку...

Дочитав до этого места, Вэнь Шань был вынужден признать: это поистине великолепный мир для романа. У автора роскошный слог, который в сочетании с налётом жанра сянься и изредка проскальзывающими глубокомысленными фразами поднимал планку книги на совершенно иной уровень.

Однако, пролистав всё от корки до корки, он так и не смог сопоставить свою личность ни с одним из персонажей книги.

Так кто же он, чёрт возьми, такой?

Вэнь Шань задумался и сразу понял, что дело не так просто, как кажется. Тогда он заново принял воспоминания первоначального владельца тела, мысленно просеивая сквозь сито его прошлую и нынешнюю жизни.

Ознакомившись с воспоминаниями прежнего хозяина тела, он внезапно умолк.

Воспоминания этого тела о прошлой жизни состояли исключительно из таких наивных мыслей, как: «Как же здорово греться на солнышке!», «Я тоже хочу зацвести!» и «Ой, дождик, наконец-то воды попою!». Из этого следовало... что у данного создания даже разум толком не пробудился!

Короче говоря, травинка, в которую сейчас вселился Вэнь Шань, — это самая обыкновенная сорная трава у обочины!

Какого чёрта!

Да сможет ли этот А-Эр хоть когда-нибудь нормально выполнять свою работу?!

Будучи пучком сорняков и не имея человеческого тела, как он вообще должен выполнять задания?!

Вэнь Шань глубоко вздохнул, а затем шумно выдохнул. Снова глубоко вдохнул, выдохнул... Прodelав это несколько раз подряд, он наконец подавил бушевавший внутри гнев, после чего открыл панель заданий и бросил на неё взгляд.

Задание: Жить вместе до старости и умереть в один день.

Помирить главную героиню Данькоу и главного героя Сы Юэ.

Вэнь Шань потёр глаза и взглянул ещё раз. Какого чёрта сводить главных героев?!

Да разве главные герои вообще нуждаются в том, чтобы их сводили?!

Хотя в самом конце не было чётко написано, остались ли главный герой и главная героиня вместе, разве это не само собой разумеющееся?!

Чувствуя абсолютную беспомощность и не имея сил даже на ругань, он машинально протянул лист, чтобы почесать затылок. На беду, его голова теперь превратилась в крошечный нежный цветок размером с ногтик мизинца, и от этого движения он только ободрал лепесток, оставив на цветке проплешину.

Вэнь Шань с окостенелым видом наблюдал, как этот белый лепесток легко и невесомо оторвался и упал вниз, а подувший лёгкий ветерок унёс его вдаль.

Словно резвящийся малыш, который радостно бежит вслед за ветерком, едва ли не сияя от счастья.

Он проводил взглядом улетающий всё дальше и дальше лепесток и наконец смирился с суровой реальностью — Став дикой травинкой, он... успешно облысел.

Вэнь Шань мгновенно зачах.

Даже не заглядывая туда, он прекрасно понимал, до чего же уродливо выглядела нехватка одного лепестка на его макушке.

Он пластом замер в грязи, чувствуя себя абсолютно отвратительно.

Полежав так долгое время подобно соленой рыбе, он прищурился и в конце концов заснул.

То ли из-за того, что он превратился в траву, но Вэнь Шань ощутил странную привязанность к земле. Легкий ветерок, овевающий воздух, казался ему материнскими руками, а сама земля — материнскими объятиями, позволяя расслабиться всем телом и душой.

Сладко и комфортно выспавшись, Вэнь Шань при пробуждении распрямил травинки и, прижавшись к земле, лениво уставился на лазурное небо.

Однако он не подозревал, до чего же жалостливый вид у него был.

Среди бескрайней глади луга он один-единственный лежал на земле, словно со сломанным стеблем, а на белом цветочках сверху не хватало лепестка, что на фоне необъеденных зеленых просторов выглядело невероятно броско.

Даже будучи сорной травой, он оставался травой неповторимой.

Ведь никакой другой сорняк, подобно ему, не умел цвести.

Сгусток крошечной тьмы внезапно заслонил Вэнь Шаню вид на небо.

Тот человек стоял против света: развевающиеся белые одежды, широкие рукава, подобные облакам, легкие черты лица — он казался сошедшим с картины бессмертным, источая

невыразимую красоту.

Вэнь Шань задрал голову и уставился на медленно спускающегося с небес небожителя, на какое-то мгновение словно лишившись дар речи. Он заворуженно глядел на этого подобного ветру и облакам, текучего и мягкого, словно волны, мужчину.

Чистое синее небо превратилось для него в простой задник, полностью потеряв краски.

Мягкие белоснежные облака посерели, уступая даже уголку белых одежд этого мужчины.

Клубящаяся, подобно дымке, Бессмертная энергия обвивала мужчину, и даже самые нежные цветы не могли сравниться с мягкой красотой его бровей и глаз.

Вэнь Шань едва не задохнулся, наблюдая, как этот человек приближается к нему шаг за шагом.

Вечностью отдавалась та мягкость, что сквозила в его чистом взгляде; она струилась подобно теплomu источнику, смывая тревогу в глубине его души.

— Ранен?

Мужчина протянул палец, подобный нефриту, и осторожно приподнял тело Вэнь Шаня, нежно глядя на него.

— Раз так, то одарю-ка я тебя нитью Бессмертной энергии, идет?

Уголки губ мужчины тронула улыбка, а в чистом голосе звучала мягкость весеннего ветерка. Он перевёл с кончиков пальцев прядь Бессмертной энергии в тело Вэнь Шаня.

Вэнь Шань оцепенело смотрел на мужчину, пока эта белоснежная Бессмертная энергия не ввинтилась в его тело, принесла с собой тепло и жар, ничуть не уступающие тем, что дарила матушка-земля.

Он бессознательно затрепетал листьями, чувствуя в сердце нерешительность и тревогу — казалось, он боялся потревожить столь похожего на небожителя мужчину.

Как же сильно он нравится, как сильно...

Внутри словно раздавался крик, каждая клеточка тела жаждала этого, ветки и листья дрожали, и медленно, свернувшись калачиком, он осторожно протянул зелёный лист.

Мужчина с некоторым удивлением посмотрел на него. В его светлых, угольно-чёрных зрачках Вэнь Шань увидел собственный облик.

Это была изумрудно-зелёная травинка с редкими, раскидистыми листьями, на главном стебле которой крашеного белого цвета увядающий цветок размером с ногтём. Он согнул один лист и, словно лиана, обвился вокруг указательного пальца мужчины.

Осторожно, но с капелькой застенчивости, будто бы питая привязанность.

Вэнь Шань застенчиво сомкнул лепестки.

До чего же он красив.

А-Эр уже погрузился в спячку, но это вовсе не мешало его сердцу ликовать и делиться радостью с Системой.

Мужчина был поражён страстью маленькой травинки; он пустил Бессмертную энергию погулять по телу растения и вдруг легко улыбнулся.

Эта улыбка казалась дуновением весеннего ветра, от которого на тысячу ли распускались цветы. Все краски мира поблекли, и остались лишь нежность и радость в уголках его глаз.

— Оказывается, это малыш, уже обретший разум.

Другой рукой он трогал стебель Вэнь Шаня, нежно поглаживая лепестки у него на макушке.

— Раз уж ты обрёл разум и у тебя есть связь с этим божеством, почему бы тебе не отправиться со мной и не добавить красок в мою резиденцию? Что скажешь?

Вэнь Шань качнул листьями.

Хотя у него больше не было сердца, из самых глубин души всё равно поднималось это радостное ощущение —

Он согласен.

Даже если тот прикажет ему умереть, он всё равно согласился бы.

Мужчина невольно рассмеялся и легко коснулся лепестков Вэнь Шаня:

— Не говори глупостей.

Это слово — смерть — поистине дурное предзнаменование.

Вэнь Шань застенчиво съёжил листики, вся травинка вытянулась стрункой, вонзившись в землю подобно мерному колышку, а его единственный свернутый лист по-прежнему обвивал указательный палец мужчины — осторожно, но при этом невероятно решительно.

Нравится.

Ты нравишься мне безумно, невероятно сильно.

Его прямолинейное признание заставило мужчину замереть на мгновение.

Мужчина протянул руку, погладил листву и вдруг тихо вздохнул:

— Хороший мальчик. Он казался исполненным бесконечной тоски, тончайшие нити которой сплетали удушающую сеть, от которой Вэнь Шань едва мог вздохнуть.

Вэнь Шань обвил указательный палец мужчины, позволив тому осторожно извлечь его корни, а затем пересадить в цветочный горшок.

Мужчина окутал его крошечную крону тонким слоем Бессмертной энергии для защиты и нежно, ласково объяснил:

— Умница, я заберу тебя домой, хорошо?

Вэнь Шань без всякого стыда радостно отозвался в душе:

— Хорошо.

Что делать, если в один прекрасный день тебе посчастливилось встретить мужчину божественной красоты?

Он не знал.

Укоренившись в своём маленьком горшочке, Вэнь Шань тупо глядел вдаль, испытывая глубочайшую горечь в сердце.

Его принесли в Мир Богов.

Тот невероятно нежный небожитель прижимал его к груди, всю дорогу подпитывая Бессмертной энергией и то и дело бережно поправляя его мягкие, поникшие стебли и листья, исцеляя корни и побеги, поврежденные при пересадке.

Тот человек сказал:

— Усердно занимайся культивацией.

После этого слуги усадьбы отнесли его в сад, поселив по соседству с великим старшим — глицинией.

Для глицинии был сооружен специальный каркас, по которому она могла виться. Со временем глициния разрослась, стала длинной и мощной, и мальчики-слуги соорудили для нее целый навес из цветов. Вэнь Шань же оказался как раз под этим цветочным навесом, тоскливо всматриваясь в самую его глубь.

Он страстно желал, чтобы мужчина заглянул под этот цветочный навес.

И надеялся, что его взгляд хоть изредка задержится на нем.

Увы, шло время, и Вэнь Шань с горечью понял, что этот человек больше ни разу в жизни не ступил в задний сад ни на полшага.

Весны сменялись осени, день сменялся днем, год сменял год, и А-Эр уже целое десятилетие пребывал в спячке.

Когда Вэнь Шаню становилось скучно, он принимался перебирать свои веточки и листья, считая лепестки на собственной макушке:

— Один лепесток, два, три, четыре, пять...

На его макушке ровно пять лепестков.

Глициния, наблюдая за глуповатым видом этой маленькой травинки, протянула усик-побег и хихикнула:

— Эй, братишка, разве интересно считать собственные лепестки? Давай-ка лучше посчитай цветочки на мне?

Вэнь Шань поднял голову, взглянул на бесчисленные соцветия могучего соседа и поспешно замотал головой:

— Нет-нет-нет, у тебя на ветках слишком много цветов, мне их ни за что не сосчитать.

Глициния протянула еще один усик и замахала обоими с обеих сторон:

— Да брось ты, с чего ты взял, что у меня так уж много лепестков? Ну попробуй же, посчитай!

— Точно, давай посчитай!

<http://bllate.org/book/21526/2210375>